

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

На правах рукописи

Тевяшев Артем Андреевич

У. Шекспир в творческом сознании А. С. Грибоедова: историко-литературные
представления, эстетика, мотивы

Специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации (филологические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Государственный университет просвещения» на кафедре русской и зарубежной литературы факультета русской филологии.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент Алпатова Татьяна Александровна.

Официальные оппоненты:

Беляева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»;

Джанумов Сейран Акопович, доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии института гуманитарных наук государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет».

Ведущая организация: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита диссертации состоится «25» сентября 2025 г. в 16 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета 72.2.020.06 по филологическим наукам на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» по адресу: Москва, ул. Фридриха Энгельса, 21 стр. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Государственный университет просвещения» по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а, и на официальном сайте университета

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 72.2.020.06
кандидат филологических наук, доцент

К.А. Поташова

Общая характеристика работы

В истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века значение имени, образа, литературных традиций Уильяма Шекспира трудно переоценить. При этом важно, что Шекспир оказывался для литераторов той поры не только историко-литературной реальностью, но и символической фигурой, олицетворявшей литературно-эстетические принципы переходной эпохи: свободу и оригинальность творческого самовыражения, своеобразный «антиклассицизм» шекспировской творческой позиции, знание человеческой природы и психологическую глубину раскрытия людских типов. Соответственно, в этот период и Шекспир как «прецедентный автор», как одна из «ролевых моделей» писателя-драматурга становится предметом живой литературной дискуссии. Следование шекспировской традиции или же отталкивание от нее становится свидетельством определенной историко-литературной позиции писателя, знаком его художественных и историко-философских, политических убеждений, эстетических предпочтений, выбора определенного круга единомышленников. В рассмотренной под этим углом зрения русской литературе конца XVIII – первой трети XIX века можно выделить своеобразный «шекспировский сюжет» – не только локальный реминисцентный план определенных сюжетных ситуаций из пьес, но и динамичную, развивающуюся сферу осознания и усвоения своеобразных «шекспировских уроков», базовый смысл которых был связан с наследием Шекспира, а конкретная реализация всякий раз зависела от особенностей творческой позиции самого автора, вступающего в «диалог» с шекспировским началом. Реконструкция оснований этого «диалога», его контекста, путей развертывания, а в конечном итоге историко-литературного смысла и позволяет изучать «шекспиризм» русской словесности как историко-литературную проблему.

Актуальность исследования определяется тем, что историко-генетические параллели творчества А.С. Грибоедова с наследием и «духом» Шекспира позволяют проследить, как очевидное признание писателя прошлого в ряду литературных идеалов могло выстраивать художественную систему автора-реципиента, при этом не выходящего в творческом диалоге с традицией на уровень непосредственного присутствия элементов «чужого слова» в собственном тексте. Внешне незначительные по объему, но очень яркие признания Грибоедова в том, насколько высоко он ценит Шекспира как писателя-реформатора, известны; в связи с этим представляется актуальной методологическая проблема – реконструировать те аспекты творческого процесса Грибоедова, которые могли быть связаны с шекспировским контекстом. При этом, в противоположность ситуации непосредственного сопоставления на уровне «текст» – «источник», становится более значимой динамическая, процессуальная модель, которая присутствует и в ходе специфического «наследования», и в ходе выявления свидетельств этого динамического, непрекращающегося «диалога» в тексте-«реципиенте».

Потребность осмыслить в этом ряду «феномен Грибоедова» как читателя и знатока Шекспира, мечтавшего переводить его сочинения и ставившего выше других авторитетов мировой драматургии, ощущается литературоведческой наукой как одна из не реализованных до сих пор, и потому монографический взгляд на шекспировские контексты творчества Грибоедова представляется важным как с историко-литературной, так и с теоретической точки зрения.

Объектом исследования выступил шекспиризм творчества Грибоедова-драматурга в контексте развития российского прочтения и восприятия шекспировского наследия на рубеже XVIII-XIX вв.;

Предмет исследования – художественные принципы драматургии Грибоедова, генетически и типологически связанные со сложившимися в русской литературе конца 18 - начала 19 века представлениями о Шекспире как драматурге, воплощающем идею творческой свободы и художественного новаторства.

Материалом для исследования послужили сохранившиеся художественные произведения А.С. Грибоедова, как написанные в соавторстве с современниками («Своя семья, или Замужняя невеста», «Студент», «Притворная неверность», «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»), так и задуманные самостоятельно («Грузинская ночь», «Юность Вещего», «1812 год», «Радамист и Зенобия» и др.), «Горе от ума», письма и заметки писателя, воспоминания современников о нем, а также публикации в российской печати второй половины XVIII – начала XIX в., связанные с личностью и творчеством У. Шекспира.

Цель исследования – воссоздать место и роль Шекспира в историко-литературной концепции и творческом развитии Грибоедова с учетом сложившихся в русской литературе конца XVIII – начала XIX века представлениях об английском драматурге.

Для достижения этой цели было необходимо решить следующие **задачи**:

1. выявить основные тенденции литературоведческих подходов к проблеме «Грибоедов и Шекспир» и перспективы развития указанной темы в связи с реконструкцией историко-литературной концепции Грибоедова и оформлением его собственной творческой позиции как драматурга;
2. проанализировать специфику усвоения русской литературой XVIII – первой трети XIX в. основных жанров шекспировской драматургии с учетом их значения для оформления новаторских принципов жанрообразования;
3. рассмотреть комедиографию Грибоедова до «Горя от ума» с учетом взаимодействия различных литературно-эстетических тенденций эпохи;
4. выстроить концепцию шекспиризма «Горя от ума» с учетом возможностей развития историко-литературного освещения данной проблемы;
5. реконструировать особенности отношения Грибоедова к жанру исторической хроники Шекспира с учетом замыслов его пьес второй половины 1820-х годов.

Степень изученности проблемы. В истории изучения проблемы «Грибоедов и Шекспир» выделилось несколько аспектов: осмысление высказываний Грибоедова о Шекспире (в первую очередь в биографическом контексте); несколько реже привлекало внимание значение Шекспира для оформления эстетической позиции Грибоедова-драматурга, и тем более редко – в установлении источников отдельных образов и мотивов грибоедовских пьес. Кроме того, история изучения данного конкретного вопроса вписывается в более общую историю исследовательского интереса к различным этапам усвоения наследия У. Шекспира в России, что также необходимо учитывать, представляя очерк историографии темы «У. Шекспир в творческом сознании Грибоедова».

При этом в развитии исследовательского интереса к теме можно выделить три основных периода.

Первый представлен литературной критикой середины XIX — начала XX века. Основой здесь видится признание значительной роли шекспировского начала в творчестве Грибоедова, и этот факт, как правило, привлекается как доказательство высокого историко-литературного значения творчества российского драматурга. К этому ряду принадлежат оценки «Горя от ума» как произведения, сопоставимого со вкладом в мировой театр Шекспира, которые даны в статьях В.Г. Белинского, А.А. Григорьева, в статье «Миллион терзаний» И.А. Гончарова, в высказываниях М.О. Меньшикова и Ю.И. Айхенвальда.

Второй период — литературоведение второй половины XX столетия, следующего в поисках сближений и реминисценций за текстами и шекспировской, и грибоедовской пьес. Значительной вехой на этом пути стала статья Ю.Ф. Флоринской «Чацкий и Гамлет» (1977). В центре анализа оказываются главные персонажи пьес Шекспира и Грибоедова, но теперь родство героев оценивается как следствие типологической общности эпох, к которым принадлежат герои. Исследовательница впервые обратилась к источникам, на которые мог опираться Грибоедов в своем усвоении творческих принципов Шекспира, а также публикации в российской печати начала XIX века, обращавшие внимание на такую важную черту творчества Шекспира, как психологизм, «его глубокое познание человеческого сердца».

Наиболее полная и последовательная реконструкция отношения к Шекспиру в России была проведена в 1960-е годы, результатом чего стала фундаментальная коллективная монография под редакцией М.П. Алексева «Шекспир и русская культура» (1988). И хотя до выхода этого исследования вопрос о значении шекспировского наследия для русской литературы, а также этапах его освоения неоднократно ставился, проблема влияния Шекспира на творчество Грибоедова была поставлена именно в этом труде, в главе Ю.Д. Левина, посвященной специфике осмысления Шекспира русской литературой пушкинской поры – в разделе «Литература декабристского направления». Ученый выдвигает гипотезу, что драматургия Шекспира оказала воздействие на Грибоедова. «В «Горе от ума», правда, это воздействие неощутимо, и попытки некоторых исследователей связать образ Чацкого с

Гамлетом или Тимоном Афинским несостоятельны. И хотя сам Грибоедов в наброске предисловия к своей комедии упомянул имя английского драматурга, строить на этом основании какие-либо заключения о творческой зависимости не представляется возможным»¹. Также Ю.Д. Левин приводит фразу Грибоедова, записанную К.А. Полевым: «Шекспир писал очень просто, – говорил Грибоедов, – немного думал о завязке, об интриге и брал первый

с
ю Многочисленные ценные наблюдения и выводы не только о
литературно-эстетической, но и о творческой позиции Грибоедова, в том числе
в его отношении к западноевропейской литературной традиции, были сделаны
в трудах Л.А. Степанова – в докторской диссертации и последующих
монографиях и статьях исследователя. Им предложена целостная, глубокая
характеристика сложной проблемы реконструкции шекспировского влияния в
творчестве А.С. Грибоедова: «Грибоедов был одним из самых глубоких
знатоков, ценителей и увлеченных проводников драматической поэзии
Шекспира в русской словесности того времени. Воздействие Шекспира, в той
или иной форме, прослеживается на протяжении всей творческой жизни
самого Грибоедова; его привлекали прежде всего свободное построение
исторических хроник и драматических поэм, многогранность характеров и

и

б

иц

и Вообще вопрос о шекспировском начале в комедиях Грибоедова (и в
первую очередь в «Горе от ума») ставился довольно редко – как правило, в
связи с проблемой преодоления классицизма в творчестве драматурга и его
замыслом написать нечто более сложное и, по его собственному признанию,
«высшего значения», нежели традиционная комедия классицизма. Об этом
размышлял в связи с оценкой грибоедовского драматургического новаторства
Ю.М. Никишов. Упоминались параллели с творчеством Шекспира и при
оценках новаторства творчества Грибоедова после «Горя от ума», когда
жанровые поиски драматурга очевидно повели его в сторону «исторической
хроники», соотносимой современниками Грибоедова именно с традициями
Шекспира.

о Важную страницу в изучении влияния У. Шекспира на русскую
литературу составляют труды Н.В. Захарова. Для концепции нашего
исследования особую методологическую ценность составляет типология
различных форм реализации шекспировского начала в литературе,
предложенная ученым. Н.В. Захаров рассматривает такие специфические
формы «взаимодействия с Шекспиром», как: «культ Шекспира»
и «шекспиризация» и наконец, «шекспиризм». Под шекспиризмом имеются в

и

т

Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Наука, 1988. С. 137.

Там же. С.137.

Степанов Л.А. Эстетическое и художественное мышление А.С. Грибоедова: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2001. – С. 45.

т

иц

и

виду не просто конкретные цитаты и реминисценции, а нечто более глубокое и значительное. Вероятно, именно о подобном процессе мы можем говорить в случае творческого усвоения идей Шекспира Грибоедовым.

В «Грибоедовской энциклопедии» С.А. Фомичева, фундаментальном справочном издании, обобщающем и систематизирующем широкий круг сведений, касающихся жизни, творчества и эпохи А. С. Грибоедова, подведен своеобразный итог изучения данной проблемы: трудам Н.К. Пиксанова, Ю.Ф. Флоринской, А.Л. Штейна и др. Энциклопедия включает статьи о произведениях писателя, исторических событиях, персоналиях, с которыми он был связан, а также о культурно-историческом контексте первой трети XIX века. Среди современных исследований творчества Грибоедова непосредственно изучению влияния Шекспира на русского драматурга посвящена статья О.В. Савченко.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема шекспиризма Грибоедова в трудах российских ученых признана как одна из составных частей более общей историко-литературной тенденции, связанной с интересом русских писателей к Шекспиру как реформатору литературы и театра. Тем не менее, несмотря на ценные наблюдения и интересные методологические идеи, высказанные исследователями в связи с обращениями к проблеме шекспировского начала в творчестве Грибоедова, в литературоведении по сей день отсутствуют работы, объединяющие разрозненные историко-литературные факты и представляющие роль и место Шекспира в творческом сознании русского драматурга.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые оформляется целостная концепция литературно-эстетической позиции Грибоедова – писателя и теоретика – в отношении к творческому наследию и художественному новаторству драматургии Шекспира. По-новому интерпретируются высказывания Грибоедова о Шекспире и примеры творческого взаимодействия с шекспировскими образами и мотивами: они рассматриваются в работе как составные части целостной историко-литературной концепции Грибоедова, главное свойство которой может быть определено как динамизм и установка на художественную оригинальность. Начав свой творческий путь в русле классицистской традиции, с подражательных комедий-переделок французской комедиографии, Грибоедов стремительно эволюционировал как драматург в русле характерной для эпохи установки на творческую свободу. И хотя его принципы, рассматриваемые в этом аспекте, не всегда раскрывались последовательно, все же Шекспир может расцениваться для художественного мира и творческой позиции Грибоедова как своеобразный идеал драматургического мастерства на всех этапах его творческой эволюции.

Гипотеза исследования состоит в том, что творческая эволюция Грибоедова от нормативно-традиционалистской к индивидуально-авторской поэтике была связана с осмыслением личности и художественного наследия У. Шекспира, который, наряду с Байроном и Гёте, определял для Грибоедова возможность выходить за рамки принятых в литературе классицизма норм и

правил творчества; эта тенденция раскрывается во всех жанровых опытах Грибоедова-драматурга – как в ранних комедиях (светских и сатирико-нравоописательных), так и в «Горе от ума» и в поздних замыслах, напрямую перекликавшихся к шекспировским опытом исторических хроник.

Теоретико-методологическое значение работы определяется обращением к историко-генетическому изучению феномена шекспиризма Грибоедова, реконструкция которого представляет сложности в связи с небольшим количеством сохранившихся источников и материалов. Разработанная методология для его изучения будет применима при подходах к феноменам, имеющим схожую структуру, неоднородную с точки зрения историко-литературного генезиса. Методология работы может представлять интерес для развития исследований творчества Грибоедова, шекспиризма русской литературы, жанровой эволюции российской драматургии конца XVIII – первой трети XIX в.

Практическое значение диссертации состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в построении историко-литературных курсов в вузах и в профильных средних учебных заведениях, в построении спецкурсов и элективных курсов, в редакторской и издательской деятельности.

Методология работы основывается на актуальных положениях классических методов академического литературоведения: биографического, культурно-исторического, сравнительно-исторического, историко-генетического, сравнительно-типологического подходов. В работе применяются также принципы историко-функционального метода, герменевтически-интерпретационный и феноменологический подход к изучению художественных текстов. Для рассмотрения значения жанровой палитры драматургии Шекспира и ее значения для становления русской драматургии на рубеже XVIII-XIX вв. применяются также элементы методологии исторической поэтики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творчество Шекспира является одним из важнейших историко-литературных феноменов, осмысление которого стало для русской литературы конца XVIII – первой трети XIX в. серьезным маркером движения от нормативно-традиционалистского к индивидуально-творческому типу художественного сознания.
2. Сохранившиеся свидетельства о литературно-эстетической позиции А.С. Грибоедова свидетельствуют о динамике ее развития от классицистской, нормативно-традиционалистской к индивидуально-творческой модели, а сохранившиеся высказывания о Шекспире представляют собой сравнительно целостную систему, свидетельствующую о ключевом значении английского драматурга в историко-литературной концепции Грибоедова.
3. В творческой практике Грибоедова формируется представление о жанровой специфике шекспировской драматургии, в целом соответствующее жанровому мышлению русской литературы первой трети XIX в., в котором место традиционалистского ядра, связанного с

классицистическими принципами, занимают комедия и трагедия, где возможности обновления предполагают преимущественно расширение сатирико-типических сторон изображения в комедии и психологизацию трагических характеров, сферу же новаторского обновления структурных возможностей пьесы составляет жанр исторических хроник, наиболее очевидно связанный в литературе Грибоедовского времени с представлениями о драматургии Шекспира.

4. Шекспировская комедия как жанровая модель в наименьшей степени влияет на Грибоедова, комедии которого ориентированы главным образом на классицистскую традицию, поэтому говорить о «шекспиризме» ранних комедий возможно только в связи с тяготением Грибоедова-драматурга к типизации и обыгрыванию комедийных «общих мест» в сюжетном развертывании комедий.
5. Центральным текстом, раскрывающим специфику осмысления Грибоедовым драматургического наследия Шекспира, стало «Горе от ума»; шекспиризм пьесы выявляется как на уровне неоднородности жанровой структуры (взаимодействие комического и лирико-драматического начала), так и на уровне раскрытия конфликта, обрисовки персонажей, языковой программы Грибоедова.
6. Наиболее очевидно предпочтение Грибоедовым жанровой модели исторической хроники – жанровой модели, максимально новаторской с точки зрения классицистской теории, являющейся для русской литературы той поры залогом наиболее динамичного и продуктивного развития, реконструкция которой позволяет судить о направлении художественных исканий Грибоедова после «Горя от ума» и его движении к романтической эстетике, воплощением творческой свободы для которой и был в его историко-литературной концепции Шекспир.

Апробация работы. Значимые положения работы отражены в 4 публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Отдельные результаты исследований обсуждались на аспирантских и преподавательских конференциях «Государственного университета просвещения», всероссийских и международных конференциях (см.: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2018»; XXVII Международная научная конференция «Шекспировские чтения 2018»; Научно-практическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного образования» - 3 декабря 2022 г.; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023»; Международная научная конференция молодых учёных «Наука на благо человечества» - 22 апреля 2023 г.; Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Русское слово: синхронический и диахронический аспекты» - 27 апреля 2023; Конференция ««Шекспир на все времена»: 400 лет Первому фолио Шекспира» - 9-10 ноября 2023).

Структура работы подчинена логике решения поставленных задач: диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** представлена общая характеристика работы и рассматривается ее актуальность, изложены цели и задачи исследования, обзор истории вопроса, приводится информация об апробации и о публикациях.

В **первой главе** диссертации **«Литературно-эстетическая позиция А.С. Грибоедова и творческий “диалог” с наследием Шекспира в русской литературе XVIII – начала XIX в.»** суммируются сложившиеся в российском литературоведении концепции шекспиризма русской литературы и значения грибоедовского аспекта данной проблемы. В первом параграфе **«Рецепция Шекспира в русской литературно-культурной ситуации XVIII – начала XIX в.»** реконструируется логика восприятия личности и творчества Шекспира в России XVIII – начала XIX века, предопределившая те проблемные сферы восприятия Шекспира, которые оказывались особенно близки Грибоедову. Особое внимание уделяется фигуре Шекспира в контексте споров сторонников и противников литературных «правил», что ярко проявилось в критических текстах, связанных с появлением первых русских переводов и постановок Шекспира на сцене столичных театров (от «Двух эпистол» А.П. Сумарокова 1747 г. до «Краткого начертания теории изящной словесности» А.Ф. Мерзлякова 1822 г.). Интересным оказывается восприятие творчества английского драматурга немецкой философской мыслью («Ко дню Шекспира», «Шекспир, и несть ему конца» И.В. Гете), поскольку творческое становление Грибоедова проходило под воздействием его учителей, И.-Т.Г. Буле и П.А. Сохацкого, глубоко усвоивших опыт немецкой эстетики конца XVIII столетия. Наконец, большее внимание уделяется проблемам «Карамзин и Шекспир», «Жуковский и Шекспир», а также пушкинской модели знакомства с творчеством английского драматурга, досконально описанных Н.В. Захаровым. Каждая из них определяла специфику осмысления шекспировского наследия на рубеже XVIII-XIX вв. Ко второй половине 1820-х годов пушкинская эстетическая позиция представлялась для Грибоедова значительной, как в ее общих контурах, так и конкретных аспектах, в том числе определявших «шекспиризм» Пушкина, вполне созвучный «шекспиризму» той литературной эпохи.

Во втором параграфе **«Шекспир в историко-литературной концепции А.С. Грибоедова»** рассматриваются причины формирования у Грибоедова интереса к Шекспиру как воплощению творческой самостоятельности и оригинальности. Большую роль в этом процессе сыграло обучение будущего драматурга в Благородном пансионе при Московском университете, а после и в самом университете. Помимо общего духа образования в этих заведениях, отличающегося вниманием к литературным «образцам», нехарактерным для традиции классицизма, значительное влияние на Грибоедова оказали лекции профессора философии И.-Т.Г. Буле и профессора древней словесности П.А. Сохацкого. Обоих профессоров объединяло предпочтение Шекспира более популярным

французским драматургам-классицистам, а природа шекспировских штудий Буле происходила от идей братьев Шлегелей.

Ученичество Грибоедова напрямую отразилось на его эстетической системе, в центре которой одновременно сосуществовала романтическая творческая свобода автора и классицистическое жанровое мышление, которое Грибоедов считал важным для театрального воплощения пьес, почему и не отказывался до конца от условностей классицистского «декорума» пьес. По мнению Н.В. Захарова, общение с В.К. Кюхельбекером во время пребывания на Кавказе, одним из самых глубоких и увлеченных последователей шекспиризма в русской литературе первой трети XIX века, также способствовало развитию интереса Грибоедова к Шекспиру, что проявилось как в период написания «Горе от ума», так и более поздних пьес драматурга, замыслы которых позволяют судить об ориентации Грибоедова-драматурга на трагедийные и хроникальные жанровые модели Шекспира.

Феномен творчества Грибоедова предполагает подвижность, переходность, поиск новых путей в искусстве. Эти особенности творческой индивидуальности писателя в полной мере демонстрирует реконструкция его историко-литературной концепции, которая не была сформулирована связно, в виде целостного высказывания, однако отразилась в письмах, авторских высказываниях, а также в литературных произведениях. При всех классицистских симпатиях Грибоедова, важное значение для автора имели и те литературные фигуры, которые знаменовали обращение к новой художественной системе. Однако свобода творческого мышления Грибоедова раскрывалась не столько в его отказе от классицизма, сколько в решимости соединять самые разные сферы художественного мышления, и делать это с чувством правомерности самого причудливого и эклектического объединения. Основой концепции развития литературы для Грибоедова становится, с одной стороны, универсализм (во взгляде на человека, историю, мироздание), с другой - романтическая идея народности, а наиболее предпочтительными авторами оказываются Гёте, Мольер и Шекспир.

Вторая глава «Историко-литературный контекст творческого взаимодействия Грибоедова с драматургическим наследием Шекспира» посвящена анализу ранних пьес драматурга с учетом реализации в них его историко-литературных представлений о шекспировском комедийном наследии и его потенциале для развития художественных принципов текста. В первом параграфе **«Ранние комедии А.С. Грибоедова и художественный опыт комедий Шекспира»** на предмет наличия/отсутствия метапоэтических мотивов анализируются «легкие», «светские» комедии драматурга, написанные в соавторстве, а именно: «Молодые супруги», «Притворная неверность» и «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом», а также сатирическая комедия т.н. «фонвизинского» типа «Своя семья, или Замужняя невеста». Анализ комедий сопровождается историей публикации и осмысления раннего творчества Грибоедова.

В первую очередь, мотив «урока женам» из «Молодых супругов» оказывается похож на соответствующий образец из шекспировской комедии «Укрощение строптивой». Этот мотив не только характерен для драматургии Шекспира, но и органично вписывается в русло развития жанра лёгкой светской комедии, в рамках которого работал Грибоедов. Его использование позволяло драматургу создать более живое и динамичное действие, насыщенное неожиданными поворотами, а также углубиться во внутренний мир персонажей, изображающих светские супружеские «войны». Конфликты в рассматриваемых пьесах Шекспира и Грибоедова подчеркивали необходимость уточнения «ролей» мужа и жены, а также исследовали возможности укрепления брака и преодоления ревности и неравенства.

Комедия «Своя семья, или Замужняя невеста» демонстрирует интересное сближение с шекспировской «Двенадцатой ночью». Подобно Виоле, Наташа проявляет решимость в построении собственной судьбы и прибегает к переодеванию, чтобы выдать себя за другого человека. Также в поведении Наташи прослеживаются аллюзии на «Укрощение строптивой», а именно — на образ Бьянки, сестры Катарины. Эти параллели расширяют представление о генетических и типологических связях русской комедии с репертуаром шекспировского театра, который, вероятно, служил одной из опор для Грибоедова в его драматургических поисках.

В пьесе «Притворная неверность» сохраняется древний сюжетный мотив написания одинаковых любовных писем, известный по комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы». Однако в интерпретации Грибоедова он усложняется и приобретает психологическую глубину. Так появляется новый, построенный на парадоксах тип героя — Рославлева, которого исследователи считают предшественником Чацкого.

Наконец, в пьесе «Кто брат кто сестра, или Обман за обманом» комизм строится на мотивах переодевания, неузнавания и обмана, включая сцены появления несуществующих персонажей. Эти элементы перекликаются с шекспировскими приёмами, в частности, из комедии «Бесплодные усилия любви», и свидетельствуют о внимательном изучении Грибоедовым традиций английской комедии.

Во втором параграфе **«Шекспировский контекст мотива осмеянного педанта и его трансформация в творческих исканиях Грибоедова (от «Студента» к «Горю от ума»)»** комедия «Студент» рассматривается в контексте развития формосодержательных моделей мировой комедии, что позволяет выделить в ней мотивы, роднящие эту пьесу в том числе с шекспировскими произведениями. С одной стороны, это мотив осмеивания педантизма, «ложной учености», с другой – литературно-полемическая линия, превращающая пьесу в реплику литературного диалога с литературными противниками автора. Каждая из этих линий имеет значительную историю развития в мировой драматургии; оказываются в этом ряду и примеры реализации этих мотивов у Шекспира.

В античном репертуаре архетип «педанта» и сатиры на претенциозную ученость представлен в таких комедиях Аристофана, как «Всадники» и

«Облака», в новоевропейской драматургии непосредственным предшественником грибоедовской трактовки подобного мотива является пьеса Мольера «Ученые женщины», российскую рецепцию этого сюжетного типа уже в XVIII веке можно проследить в пьесе А.П. Сумарокова «Тресотиниус». В этом же ряду оказывается и комедия Грибоедова «Студент, изображавшая героя-педанта Беневольского и высмеивающая его излишнюю увлеченность поэзией, излишнюю ученость, контрастирующую с незнанием «практики» жизни. В связи с этим, комедия У. Шекспира «Бесплодные усилия любви», в которой мишенями сатиры становятся поэт-дилетант и ученый педант — персонажи Армадо и Олоферн, оказывается особенно интересна. Эта пьеса, отличавшаяся определённой элитарностью восприятия и, по всей видимости, рассчитанная на ограниченный круг зрителей, открывала перед автором возможность более откровенно и изощённо высмеивать ложную учёность. Подобным образом и ранняя комедия Грибоедова «Студент» с его Беневольским, как и «Горе от ума» с Чацким, была лишена широкой сценической судьбы, что усиливало её металитературный, пародийный потенциал и сближало её с шекспировским «письмом для немногих».

Мотив осмеянного педанта, впервые заявленный Грибоедовым в комедии «Студент», достигает зрелого воплощения в «Горе от ума» и развивается в направлении объединения сатирического и трагического начал. Его можно рассматривать в рамках более широкой типологической модели «героя-отчужденного», восходящей к шекспировскому Гамлету и мольеровскому Альцесту из «Мизантропа». При этом «гамлетовский» контекст в образе Чацкого проявляется не столько в прямом сюжетном параллелизме, сколько в глубинной структурной аналогии: оба героя предстают в ситуации конфликта с окружающим обществом, однако в случае с Чацким эта конфликтность усугубляется ещё большей степенью одиночества и отсутствием подлинных союзников. Чацкий, как и Гамлет, не находит своего места в мире, который отторгает нравственные правила и независимость мышления.

Отдельного внимания заслуживает речевая организация грибоедовской пьесы, в которой драматургу удаётся в пределах одного стихотворного строя столкнуть два стиля — комически-бытовой и гражданственно-патетический. Эта стилевое раздвоение обуславливает разделение комического и трагического в рамках единого художественного пространства: с одной стороны — порочная, поверхностная светская среда, с другой — благородный, но «неуместный» в этом мире герой. При этом мольеровский контекст, несмотря на свою значимость, оказывается ограниченным: в «Мизантропе» Альцест не окружён столь тотально низменной средой, как Чацкий, а конфликт выстраивается, прежде всего, между бытовым компромиссом и нравственным максимализмом. Грибоедов же радикализирует эту модель, вводя фигуру героя, абсолютно чуждого своему окружению. Именно жанровая неоднородность, присущая и «Гамлету», и «Горе от ума», позволяет видеть в Чацком фигуру трагическую — в окружении смешных, мелких и порочных персонажей.

В третьей главе «Влияние трагедий и исторических хроник Шекспира на творчество Грибоедова» анализируется, в какой мере трагедия «Гамлет» могла отразиться на замысле и воплощении главной пьесы драматурга; предпринята попытка объяснить причины обращения А.С. Грибоедова к жанру исторических хроник Шекспира при реализации новаторских замыслов в сохранившихся фрагментах его произведений, созданных после «Горе от ума». В первом параграфе **«Проблема трагедийного начала в «Горе от ума»»** рассматривается шекспировский контекст в осмыслении образа Чацкого и драматургических особенностей «Горя от ума», что позволяет выйти за пределы традиционной сатирико-бытовой интерпретации пьесы. Возможность выявления «гамлетовских» черт в характеристике главного героя комедии Грибоедова открывает перспективу анализа Чацкого как фигуры не только национально-исторической, но и общечеловеческой, обладающей потенциалом трагического героя, заключённого в рамки комедийного действия.

Сравнение Чацкого с Гамлетом основывается не только на внешней параллели мнимого безумия, но и на более глубокой структурной аналогии: оба героя не могут найти адекватное действие, соответствующее их внутреннему состоянию, и выражают его в напряженной речевой экспрессии. Подобно тому как Гамлет выражает своё отчаяние, одиночество и гнев через игру слов и парадоксальные речевые формы, Чацкий, не находя другого выхода, обрушивается на нравственные пороки светского общества — речь становится его единственным орудием борьбы.

Обращение к шекспировской модели в «Горе от ума» проявляется не только в образе героя, но и в композиционной структуре пьесы, риторических приёмах, расширении состава действующих лиц, особенностях второстепенных персонажей, а также в роли монолога как средства внутренней характеристики. Комедия Грибоедова формально сохраняет черты классицистской, однако отчетливо тяготеет к её преодолению, к формированию нового типа пьесы, в которой традиционные границы между жанрами, стилями и уровнями речевой организации стираются. Эстетической основой этих преобразований можно считать в том числе влияние шекспировской драматургии с её свободным отношением к условности, множественности персонажей и органическим совмещением комического и трагического начал.

Особенно значимой оказывается тенденция к «многоголосию» действия, нехарактерная для российской комедии XVIII века. Если в классицистской поэтике второстепенные персонажи подчинены функциям сюжетного продвижения и помогают выразить основную идею, то у Грибоедова — по шекспировскому образцу — они обретают индивидуальность, психологическую достоверность, становятся полноценными носителями самостоятельных позиций. Так, Молчалин, Репетилов и Фамусов не только создают фон для раскрытия образа Чацкого, но и реализуют самостоятельные линии нравственного и идеологического конфликта. Их можно типологически соотнести с шекспировскими

фигурами Озрика и Полония, которые, несмотря на свою внешнюю «служебную» роль, оказываются значимыми элементами художественного целого. Особенно выразительна аналогия между Полонием и Фамусовым: оба — вдовцы, в одиночку воспитывающие дочерей, оба с подозрительностью и скрытым страхом отторгают главного героя, оба прибегают к подслушиванию, что в шекспировском случае приводит к трагическому исходу.

Симптоматичным является и то, что сам Грибоедов — подобно Державину, создавшему в автокомментариях к оде «Бог» миф о собственном писательском опыте — стремится утвердить себя в ряду выдающихся авторов, сопоставляя свое имя с Расином и Шекспиром. Он апеллирует к ним как к эталонам драматургического мастерства, тем самым узаконивая собственную художественную программу, направленную на преодоление устаревших форм и поиск новых выразительных возможностей для русской сцены. В этом контексте актуализируется идея национального «Шекспира» как необходимого этапа зрелости отечественного театра, и фигура Грибоедова — вне зависимости от степени прямого заимствования — оказывается вблизи этой парадигмы, выражая переход от классицизма к более сложной, многослойной драматургии нового времени.

Во втором параграфе **«Поздние замыслы Грибоедова-драматурга и жанровая традиция исторических хроник Шекспира»** анализируется влияние шекспировской традиции на поздние драматургические замыслы А.С. Грибоедова, в которых это влияние проявляется наиболее открыто и последовательно. Период предромантизма и романтизма, в который попадает зрелое творчество драматурга, характеризуется оживлением интереса к жанру исторической хроники как форме, способной обновить сценическое искусство. Именно в этом жанре шекспировское наследие становится актуальным — как по содержательной, так и по формальной линии.

Историческая хроника как драматургический жанр позволяла соединить обращение к прошлому с патриотической проблематикой, предложить многоплановые конфликты, ввести яркие характеры и развить психологическую мотивацию поведения героев. В отличие от эпоса, она давала сцене возможность реализовать романтические принципы: свободу композиции, наличие «недоговорённости» и таинственности, лиризм в трактовке человеческой судьбы, драму, вдохновлённую самой реальностью. В этом смысле переход Грибоедова от классицистской поэтики к романтической через призму шекспировской модели становится важным этапом его творческой эволюции.

Исследователи справедливо связывают обращение Грибоедова к жанру исторической драмы с желанием преодолеть эстетическое отчуждение дворянской культуры XVIII – начала XIX века и вернуть народу право быть героем собственной истории. Источник подлинной художественной энергии он находит в фольклоре, в «живой» народной культуре. С другой стороны, отказ от жёстких рамок классицистской драматургии и стремление к свободной сценической структуре вновь направляют его к Шекспиру —

драматургу, чьё творчество воспринимается как воплощение живой театральной формы, открытой к смешению жанров и стилей.

В связи с этим, замысел исторической драмы «1812 год», может быть напрямую вдохновлён как шекспировскими хрониками, так и национальным подъёмом, вызванным событиями Отечественной войны. Подобно тому как Шекспир в хрониках отразил дух национального самоутверждения елизаветинской Англии, Грибоедов стремился запечатлеть патриотическое воодушевление России. При этом в «1812 год» вводятся как реальные, так и вымышленные персонажи, что соответствует шекспировскому приёму художественной интерпретации истории. В одной из первых сцен драмы появляется фантастический элемент в духе «Бури» и «Макбета»: «тени давно усопших исполинов» — монархов — пророчествуют о грядущем времени искупления в Архангельском соборе Кремля. Подобные сцены вводят в текст аллюзии на шекспировские фантастические эпизоды, углубляя идейное звучание драмы и насыщая её эмоционально-символическим содержанием.

В прологе драмы «Юность Вещего» можно усмотреть отсылку к «Буре» Шекспира. Мрачный морской пейзаж, элементы магии, тревожная атмосфера пророчества роднят пьесу с шекспировской драмой, о любви Грибоедова к которой свидетельствовал К.А. Полевой.

Наиболее ярко «шекспиризм» Грибоедова воплотился в замысле трагедии «Грузинская ночь», которая воспринимается как драма двойственной природы — социально-политической и мистической. Исследователи подчёркивают внутреннее напряжение между этими началами, что, вероятно, и помешало автору завершить пьесу. Впрочем, сохранившиеся фрагменты позволяют говорить о характерной для Шекспира амбивалентности: трагическое сочетается с фантастическим, а сверхъестественные силы оказываются не внешними аллегориями, а частью психологической мотивации героев. Так, сцена, в которой отчаявшаяся кормилица вызывает злых духов, имеет прямую реминисценцию с образом Жанны д'Арк из «Генриха VI» Шекспира — женщины, обращающейся к колдовству как к последнему средству в борьбе за правое, с её точки зрения, дело. Подобно Шекспиру, Грибоедов показывает, что вызов нечистой силы становится роковым решением, вызванным внутренним надломом. Героиня сохраняет сочувствие зрителя, несмотря на ужас своих поступков, ибо её действия проистекают не из злобы, а из страдания и утраты. В этом смысле кормилица — фигура трагическая, сложная, наделённая внутренним конфликтом, что приближает её к галерее шекспировских женских образов, в том числе к ведьмам из «Макбета» и героиням «Сна в летнюю ночь» или «Бури».

Таким образом, в поздних драматургических замыслах Грибоедова шекспиризм не ограничивается отдельными реминисценциями или аллюзиями, а формирует целостную художественную модель, на основе которой драматург стремится создать национальный театр нового типа — свободный, многоголосый, сочетающий реальность и символ, историческое и мистическое, трагическое и комическое.

В **Заключении** диссертации сформулированы итоговые положения о ключевой роли фигуры Шекспира в историко-литературной концепции Грибоедова и намечены перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Список литературы включает источники, научно-справочную и научно-исследовательскую литературу на русском и английском языках (всего 309 наименований).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

1. Тевяшев А.А. Наследие У. Шекспира в трансформации жанровой системы российской драматургии последней трети XVIII века // Казанская наука. №12 2023 г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2023. – С. 171-173. (0,2 п. л.).
2. Тевяшев А.А. Шекспир в творческом сознании А.С. Грибоедова: историко-функциональный аспект // Отечественная филология. 2024. №4. – М., 2024. – №4. – С. 106–114. (0,5 п. л.).
3. Тевяшев А.А. Проблема «Чацкий и Гамлет» в российском литературоведении: историко-функциональный аспект // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. №2 2024 г. – Орехово-Зуево, 2024. – С.173-179. (0,5 п. л.).
4. Тевяшев А.А. Шекспировские мотивы в замыслах исторических хроник А.С. Грибоедова // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. №1, том 1, 2025 г. – Тольятти, 2025. – С. 5-14. (0,5 п. л.).

Другие издания:

- Тевяшев А.А. К проблеме шекспировского текста в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // XXVII Шекспировские чтения 2018 (27th Shakespeare Readings 2018). – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2018. С. 85.
6. Тевяшев А.А. «Чужое слово» и крылатые выражения в творчестве А.С. Грибоедова и У. Шекспира // Международная научная конференция «Шекспир на все времена: 400 лет Первому фолио Шекспира». – М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2023. С. 25-27.